

занимаетъ сѣверо-восточную часть азіатскаго материка; прилегаютъ съ С къ Сѣверному Ледовитому океану и Берингову проливу, съ В—къ Берингову морю, съ З—границитъ съ Якутской обл. Площадь—458 477 кв. верстѣ. Большая часть уѣзда—холмистая тундра; древесная растительность встрѣчается только въ западной части, въ верхнемъ и среднемъ теченіи р. Анадыри; лѣса растутъ по склонамъ горъ у этой же рѣки, выше села Маркова. Климатъ суровъ, хотя и не такъ, какъ въ сосѣдней Якутской области; короткое лѣто, холодное и дождливое; вслѣдствіе вѣчной мерзлоты почвы земледѣльческая культура невозможна. Жителей (1897) 12 084 (5941 мужч. и 6143 женщ.); на 1 кв. версту приходится менѣе 0,03 жит.; А. уѣздъ принадлежитъ къ самымъ пустыннымъ частямъ Сибири. Жители—почти исключительно чукчи; русскихъ не болѣе 600 д. (казаки и администрація); другихъ инородцевъ (ламуты, коряки, тунгузы)—до 200 чел. Главныя занятія жителей—оленинство, охота (посецъ, лисца, бѣлка, заяцъ, горностаи) и рыболовство; цѣннымъ домашнимъ животнымъ является ѣздовая собака. Торговля мѣновая. Ежегодно правительствомъ доставляются на пароходѣ къ Ново-Маринскому казачьему посту (у устья Анадыри) предметы первой необходимости—мука, крупа, соль, свинецъ и порохъ,—для продажи какъ мѣстному русскому населенію, такъ и инородцамъ. Административный центръ уѣзда—село Марково, на среднемъ теченіи рѣки Анадыри (311 жит., 41 домъ, школа); основано въ половинѣ XIX в. на мѣстѣ упраздненнаго въ 1770 г. Анадырскаго острога (устроеннаго казакомъ Дежневымъ въ 1647 г.); служить сборнымъ пунктомъ для мѣновой торговли съ инородцами. А. край былъ изслѣдованъ Виллингомъ (1790), Врангелемъ и Анжу (1820—24), Литке (1828), Майдемомъ (1868—69), Норденшельдомъ (1880) и Рябушинскимъ (1909).—Ср. «Зап. Амур. Отд. Рус. Географ. Общ.»—1896); А. Олсуфьевъ, «Очеркъ А. округа».—См. также Камчатская область.

Анадырь (Погыча), рѣка въ Камчатской области, впадаетъ въ Анадырскій заливъ Берингова моря. Беретъ начало подъ полярнымъ кругомъ, течетъ сначала на ЮЗ, затѣмъ поворачиваетъ къ В. Длина свыше 1000 верстѣ. Въ верховьяхъ рѣки вдоль ея береговъ высокія горы, въ нижнемъ теченіи мѣстность ровная, тундристая. Изъ притоковъ главный Маннѣ. Берега пустынные, вдоль нихъ кочуютъ чукчи. Въ А. много рыбы. Въ среднемъ теченіи А. село Марково, при устьяхъ А.—Ново-Маринскій казначій постъ.

Аназотурія, патологическое явленіе при мочеиспусканіи, состоящее въ томъ, что мочевины выделяется меньше, чѣмъ слѣдуетъ, или вовсе даже не выделяется.

Анаитисъ (греч. Ἀναίτις, персид. Anahita), въ древней Персіи, Мидіи, Арменіи и Каппадокии богиня плодородія; греками отождествлялась съ ефесской Артемидой или Афродитой. Культъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождался проституціей ея жрицъ. Ср. Ed. Meyer въ «Lexikon der Mythologie» Рошера.

Анакардіевая камедь, см. Акажу-гумми.

Анакардіумъ (*Anacardium* Rottb.), акажу, родовое названіе (отъ греч. *ἀνὰ*—въ родѣ, на подобіе, и *καρδία*—сердце, по формѣ плода) древесныхъ растеній изъ семейства анакардіевыхъ (*Anacardiaceae* R. Br., по системѣ Роберта Брауна) или терпентинныхъ (*Terebinthaceae* DC, по де Кандоллю), растущихъ въ тропическихъ странахъ. Деревья эти снабжены крупными кожистыми, цѣльнокрайными листьями. Цвѣты двудомные, съ 5-дольной чашечкой, 5-ю узкими лепестками; 8—10 тычинками и однимъ пестикомъ. Плодъ—ко-

стянка, сидящая на разросшейся сочно-мясистой, слѣдобоной ножкѣ, принимающей форму сердца или груши; собственно плодъ, выдренный въ оконечность такой ножки, содержитъ одно почковидное сѣмя. Въ Вост.-Индіи и въ Южной Америкѣ растетъ *Anacardium occidentale* L., дающій изъ полостей межплодника весьма ѣдкую, воспаляющую кожу, маслянистую смолу, имѣющую врачебное примѣненіе для приготовления нарывной тафты (*Semina s. nuces Anacardii occidentalis*). Кромѣ того, деревья А. содержатъ значительныя количества такъ называемыхъ акажу-гумми, а древесина ихъ извѣстна въ торговлѣ подъ именемъ блага махагоноваго или лакового дерева, также акажу.

Аналетъ—имя папы и антипапы.—1) А. I—одинъ изъ первыхъ римскихъ епископовъ, по оффиціальному, печатаемому ежегодно въ «*Gerarchia catholica*» списку папъ, четвертый преемникъ апостола Петра (100—112). По древнимъ спискамъ онъ 2-й или 3-й преемникъ Петра. Въ виду такого разногласія возникло сомнѣніе въ существованіи А., что какъ бы подтверждается еще разной передачей его имени: *Anacletus*, *Κλήτος*, *Ἀνέκλητος*; однако, историчность его доказывается занесеніемъ его въ самые древніе, независимые одинъ отъ другого, какъ греческіе, такъ и латинскіе списки. Открытымъ остается лишь вопросъ, слѣдовало ли онъ за Линомъ или за Климентомъ. По происхожденію онъ грекъ, изъ Аоніи. Сомнительно, чтобы онъ умеръ мученическою смертью, такъ какъ свѣдѣнія о томъ идутъ изъ довольно позднихъ источниковъ, а древніе объ этомъ умалчиваютъ. Память его празднуется 13 июля.—Ср. Duchesne, «*Le liber pontificalis*» (П., 1886, т. I); Volkmar, въ «*Theologische Jahrbücher v. Baur u. Zeller*» (1857, стр. 151); Langen, «*Geschichte d. röm. Kirche bis Leo I*» (Боннъ, 1881); Lightfoot, «*The apostolic Fathers*» (Л., 1890).—2) А. II, антипапа, изъ разбогатѣвшаго еврейскаго рода Pierleoni, учился въ Парижѣ, состоялъ при дворѣ Людовика VI, но вскорѣ поступилъ въ монастырь; назначенъ въ 1116 г. кардиналомъ; былъ папскимъ легатомъ въ Англіи и Франціи; въ 1130 г. избранъ одновременно съ Иннокентіемъ II на папскій престолъ и принялъ имя А. II. Римъ сталъ на его сторону, но, когда А. даровалъ Рожеру Сицилійскому королевскій титулъ, противникомъ его явился императоръ Лотарь II, котораго поддерживалъ Бернгардъ Клервоскій. Въ 1133 г. появленіе Лотаря заставило А. покинуть Римъ; когда А., несмотря на приглашеніе, не явился на судъ Лотаря, онъ былъ отлученъ отъ церкви. Когда Лотарь удалился, А. вернулся въ Римъ. Послѣ втораго похода Лотаря въ Италію А. былъ снова отлученъ и проклятъ, но все же оставался въ напекѣмъ дворцѣ до самой смерти, въ 1138 г.—Ср. Zoepffel, «*Die Doppelwahl des Jahres 1130*» (Геттингенъ, 1871); Langen, «*Geschichte der röm. Kirche von Gregor VII bis Innocenz III*» (Боннъ, 1893); Gregorovius, «*Geschichte d. Stadt Rom*» (т. IV).

Анаконда (*Eunectes murinus* Wagl.), змѣя изъ семейства удавовъ (*Boidae*). Самая крупная изъ всѣхъ змѣй, достигаетъ въ длину 10 метровъ. Сверху она черновато-зеленаго цвѣта съ двумя рядами бурныхъ спинныхъ пятенъ; снизу—матоваго свѣтло-желтаго цвѣта съ черными пятнами; по бокамъ желтыя пятна съ темной каймой. Живетъ по берегамъ рѣкъ и въ болотахъ тропической части Южной Америки. Пищу ея составляютъ рыбы, земноводныя и мелкія млекопитающія. Рождаетъ живыхъ дѣтенышей. Туземцы преслѣдуютъ ее изъ-за мяса. Кожа А. служитъ для издѣлій.

Анакреонтъ (*Ἀνακρέων*; у насъ часто, съ французскаго, Анакреонъ), древне-греческій лирический поэтъ. Род. около 570 г., въ іонійскомъ городѣ Теосѣ (отсюда его прозвище «теосскій», или—у Державина и др., по византійскому произношенію—«тіійскій», изъ *Τίϊος*). Когда въ 545 г. персидскій полководецъ Гарпагъ, по порученію Кира, подчинилъ Теосъ персидской власти, большинство гражданъ оставило свою родину и основало на еракійскомъ побережьи колонію Абдеру. Есть много оснований предполагать, что среди этихъ свободолюбивыхъ гражданъ находился и А. Его жизнь среди теосскихъ колонистовъ въ Абдерѣ многимъ напоминаетъ жизнь Архилоха на Эасосѣ; подъ вліяніемъ Архилоха находился и поэтъ А. въ этотъ ранній періодъ своей дѣятельности. Тѣ же битвы съ еракійскими туземцами, то же бѣгство съ оставленіемъ щита на полѣ брани, то же неудачное сватовство (имя возлюбленной—«русая» Еврипила), то же желчное преслѣдованіе счастливаго соперника («омерзительный» Артемонъ) и родственниковъ возлюбленной. Въ эту теосско-абдерскую эпоху своей жизни А. является, подобно Архилоху, ямбическимъ поэтомъ. Намъ не известны причины, заставившія А. около тридцатыхъ годовъ VI в. покинуть Абдеру и переселиться въ Самось, гдѣ въ это время тиранъ Поликрать былъ въ расцвѣтѣ своего могущества. А. сдѣлался его придворнымъ поэтомъ. Въ этотъ второй періодъ своей дѣятельности А. является уже тѣмъ, какимъ онъ остался во мнѣніи потомства: вдохновеннымъ мелическимъ поэтомъ, прославляющимъ любовь, вино и вообще утѣхи жизни. Правда, любовь слѣдуетъ понимать въ духѣ аристократическаго общества того времени: вдохновителями А. были прекрасные отроки, пажи изъ свиты Поликрата—Спмалъ, Пнеомандръ, Смердій, вѣроятно, и Батиллъ (Ваиллъ), съ которыми онъ неразрывно связанъ въ памяти потомства, хотя въ сохранившихся отрывкахъ имя послѣдняго не встрѣчается. Вообще «вся поэзія А.» того времени, по свидѣтельству Страбона, «полна Поликратомъ»; онъ былъ его повѣреннымъ даже въ политическихъ дѣлахъ. Трагическая кончина Поликрата была ударомъ грома для А. Съ его преемникомъ Силосонтомъ, ставленникомъ персовъ, А. имѣть дѣла не желалъ; опять ему пришлось перемѣнить свое мѣстожительство. Его слава успѣла распространиться по Элладѣ; аѣнскій тиранъ Гиппархъ, знавшій его лично (благодаря союзу своего отца Писистрата съ Поликратомъ), съ честью пригласилъ его къ своему двору, отправивъ за нимъ пятидесятивесельный корабль. При дворѣ Гиппарха начался для А. третій періодъ его жизни, тоже оставившій слѣды въ памяти потомства, особенно въ Аѣнахъ. Онъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ, съ сѣдыми волосами и бородою, но охотно отдавался любви къ молодымъ красавицамъ (Калликритѣ, Астеридѣ, Мегистѣ), хотя эти послѣднія подчасъ и непочтительно относились къ его сѣдинѣ (въ родѣ той лезбіянки, которой посвящено одно изъ немногихъ сохранившихся его стихотвореній). Къ тому же времени относится и его знакомство съ Ксаннипомъ, отцомъ Перикла—тогда очень молодымъ человѣкомъ,—а равно и съ Критіемъ, вѣроятно дѣдомъ знаменитаго тирана, за что онъ былъ позднѣе воспѣтъ этимъ послѣднимъ. Въ Аѣнахъ память объ А. была увѣковѣчена статуей на акрополѣ: она представляла его поющимъ подъ вліяніемъ вакхическаго возбужденія. Этой блестящей жизни въ Аѣнахъ положило предѣлъ убійство Гиппарха Гармоніемъ и Аристогиномъ, въ 514 г. Опять настала для А. необходимость приискать себѣ убѣжище. Онъ отправился въ Эсса-

лію, ко двору Алевандовъ въ Лариссѣ. Здѣсь его слѣды теряются. Вернулся ли онъ на старости лѣтъ въ Теосъ—не известно. Теосцы сохранили благодарную память о своемъ знаменитомъ землякѣ и изображали его, какъ свою мѣстную святыню, на своихъ монетахъ. Умеръ онъ въ глубокой старости—85 лѣтъ; была ли сооруженная для него въ Теосѣ могила его настоящей могилой, или же кенотафіемъ—рѣшить трудно. Намъ сохранены бюсты А. (съ надписью), на основаніи котораго къ нему можно приурочить и статую въ виллѣ Боргезе; въ обоихъ изображеніяхъ онъ представленъ со слегка кудрявыми волосами и бородой, съ тонкими, умными чертами лица и полуоткрытыми, чувственными губами—прекрасная иллюстрація къ его поэзии. Изъ этой послѣдней намъ сохранилось лишь нѣсколько небольшихъ стихотвореній, очень изящныхъ, и масса отрывковъ. Она не отличается глубиной страсти, но привлекаетъ своей жизнерадостностью и своимъ добродушнымъ юморомъ. Языкъ очень плавленъ и богатъ, стихи необыкновенно легки и благозвучны. А. предпочиталъ маленькія трохаическія и ямбическія строфы, въ родѣ употребляемыхъ и нынѣ, и еще гликоническія системы («мачъ бросаю пурпурный мнѣ—Эросъ къ играмъ меня зоветъ—съ этой рѣзвой малюткою—въ разноцвѣтныхъ сандаляхъ»). Изданы отрывки А. въ сборникѣ: «*Poetae lyrici Graeci*», Th. Bergk'a, т. III, и позднѣе въ «*Anthologia lyrica*» (изд. Hiller-Crusius, Лпц., 1897).—Своей славой въ новыя времена, особенно въ псевдо-классическую эпоху, А. былъ обязанъ не отрывкамъ своихъ подлинныхъ произведеній, а уцѣлѣвшему сборнику анакреонтическихъ стихотвореній (всего 60), который, по странному недоразумѣнію, ему приписывали, хотя этотъ сборникъ нигдѣ не выдаетъ себя за подлинное произведеніе теосскаго пѣвца, и въ немъ даже иногда говорится объ А. въ третьемъ лицѣ, а его заглавіе «*Ἀνακρεόντεα*» означаетъ (какъ доказываютъ многочисленные аналогіи) только «стихотворенія въ анакреонтическомъ духѣ». Этотъ сборникъ, повидимому,—студенческій пѣсенникъ (встрѣчаются намеки на трудность изученія юриспруденціи и риторики) изъ ранней византійской эпохи; въ его составъ приняты и болѣе древнія пѣсни, начиная съ конца I вѣка до Р. Хр. Преобладаютъ два размаѣра: такъ называемый геміямбъ («Хочу воспѣть Атридовъ—хочу и Кадма славить» и т. д.) и такъ называемый анакреонтическій стихъ (тотъ же геміямбъ, но съ анапестомъ въ первой стопѣ: «Тяжело не быть влюбленнымъ,—тяжело и быть влюбленнымъ» и т. д.). Какъ внѣшняя отдѣлка стихотвореній, такъ и поэтическое ихъ достоинство весьма различны: встрѣчаются довольно милыя вещицы, но есть и очень манерныя, и нелѣпыя. Чтобы правильно оцѣнить сборникъ, слѣдуетъ помнить, что анакреонтизмъ сталъ моднымъ направлениемъ въ лирикѣ александрійской эпохи и съ тѣхъ поръ удержался въ литературѣ какъ греческой, такъ и римской, особенно въ первой. Онъ перешелъ и въ христіанскую эпоху; цѣлый рядъ византійскихъ поэтовъ писалъ стихотворенія въ формахъ и на темы этого анакреонтизма (любовь, вино, весна), сплетая ихъ подчасъ съ христіанскими темами (особенно съ прославленіемъ Богородицы). Этотъ византійскій анакреонтизмъ имѣлъ вліяніе и на средневѣковую поэзію Западной Европы. Но много сильнѣе было вліяніе вышеназваннаго пѣсенника особенно въ XVII и XVIII вв., такъ какъ его принимали тогда за пѣсенникъ самого А. Когда ошибка была обнаружена (отчасти уже благодаря Фридриху-Августу Вольфу, въ концѣ XVIII в.), его значеніе пало, тѣмъ

болѣе, что это совпало съ крушеніемъ псевдо-классицизма вообще. Изданъ анакреонтическій пѣсенникъ въ тѣхъ же изданіяхъ, какъ и подлинный А. Русские переводы: отдѣльных одъ—Ломоносова, Хераскова, Державина, Гнѣдича, Пушкина и мн. др.; полные или почти полные—Кантемира (повторено въ изданіи Глазунова), Мартынова (1801); Важенова (1861); Водовозова (1888).

Θ. 3.

Анакротія или анакротизмъ, патологическое состояніе пульса, легко узнаваемое при графическомъ его изображеніи изъ того, что кривая пульса вмѣсто того, чтобы круто подниматься вверхъ, образуетъ многочисленные зубцы.

Анаксагоръ (*Ἀναξαγόρας*), греческій философъ изъ Клазоменъ въ Іоніи, творецъ философской системы, которая должна быть отнесена къ числу попытокъ примирить ученіе элейцевъ съ воззрѣніями Гераклита. Годомъ его рожденія можно считать 500 г. до Р. Хр. По свидѣтельству Діогена Лаэртскаго, около 463 г. онъ переселился въ Аѣны и, являясь первымъ насадителемъ философіи въ этомъ городѣ, сдѣлалъ его центромъ научнаго движенія того времени. Занимаясь философскими, математическими и астрономическими изысканіями, онъ считалъ «небо своимъ отечествомъ и созерцаніе звѣздъ задачей своей жизни». Дружба Перикла навлекла на него въ 434 г. недовольство толпы: обвиненный въ непочитаніи боговъ, онъ оказался замѣшаннымъ въ политическій процессъ, начатый противъ Перикла, вслѣдствіе чего ему пришлось бѣжать изъ Аѣны въ Лампсакъ, гдѣ онъ и умеръ около 428 г. до Р. Хр. Въ своей философіи А., который «по возрасту старше, по трудамъ же первѣе Ἐμπεδοκλά» (Arist. Met. I, 3, 984a, 11), подобно послѣднему исходитъ изъ основнаго положенія элейца Парменида о невозможности возникновенія и уничтоженія бытія и задается цѣлью объяснить противорѣчащую этому множественность и измѣнчивость быванія, выставленную еще Гераклитомъ. Неправильно говорить о возникновеніи и уничтоженіи, — объявляетъ А. Вещи не возникаютъ и не уничтожаются, но составляются изъ уже существующихъ частей и на нихъ же разлагаются. Поэтому возникновеніе слѣдуетъ называть соединеніемъ, а уничтоженіе—раздѣленіемъ. Всякое измѣненіе—только механическое перераспредѣленіе. Совокупность истинно-сущаго не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться; она не можетъ стать меньше или больше себя самой: все равно себѣ самому. Истинно сущимъ, соотвѣствующимъ бытію Парменида, является у А. множество первичныхъ веществъ, качественно неизмѣнныхъ и вѣчныхъ; возникновеніе быванія изъ бытія объясняется пространственнымъ соединеніемъ и раздѣленіемъ этихъ первоначальныхъ веществъ, которыя А. называетъ *χρῆματα* или *σπερματα*, т.-е. вещи или сѣмена. Эти *χρῆματα* различны по виду, окраскѣ и вкусу и дѣлимы до безконечности, причемъ всегда распадаются на однородныя части, вслѣдствіе чего Аристотель называетъ ихъ «подобночастными» (*τὰ ομοιομερή*) элементами вещей, а позднѣйшіе писатели—прямо «гомеомеріями». Въ противоположность первичнымъ веществамъ, всѣ воспринимаемыя вещи сложны и состоятъ изъ разнообразныхъ гомеомерій, тѣсно слитыхъ и смѣшанныхъ въ нихъ. Каждое тѣло содержитъ въ себѣ части другого, ибо какъ могло бы одно образоваться изъ другого, если бы уже не заключалось въ немъ, и какъ объяснялся бы переходъ всѣхъ, даже самыхъ противоположныхъ вещей другъ въ друга, если бы все не было во

всемъ? Поэтому, если намъ кажется, что предметъ обладаетъ какимъ-нибудь однимъ качествомъ, исключаящимъ другія, то это происходитъ оттого, что даннаго вещества въ немъ больше, чѣмъ другихъ; въ дѣйствительности же каждый предметъ обладаетъ веществами всевозможнаго порядка, хотя и носитъ имя того, которое въ немъ преобладаетъ. Первичныя подобночастныя вещества могли образовывать міръ лишь тогда, когда къ нимъ присоединилась сила, которая внесла въ нихъ порядокъ и движеніе. Такимъ образомъ, побуждаемый необходимостью объяснить изъ матеріи начало движенія и гармонически стройный результатъ его—вселенную, А. вводитъ въ свою философію понятіе *νοῦς*, т.-е. духа или разума. Возникшее по аналогіи съ человѣческимъ умомъ понятіе *νοῦς* не всегда свободно у А. отъ матеріальной примѣси и понимается имъ скорѣе всего какъ мыслящее вещество, движимое самимъ собою, наиболѣе легкое, тонкое и чистое изъ всѣхъ остальныхъ. Его слѣдуетъ мыслить единымъ, такъ какъ порожденный имъ міръ образуетъ единое цѣлое. Его дѣятельность—мышленіе; отъ остальныхъ вещей оно отличается простотою сущности, мощью и знаніемъ. Въ то время какъ въ вещахъ все сложно и смѣшано, разумъ отдѣленъ отъ всего; онъ простъ, однороденъ и не имѣетъ различныхъ составныхъ частей. Онъ повсюду равенъ самому себѣ, такъ что живыя существа могутъ различаться только по степенямъ, а не по качеству находящагося въ нихъ духа; послѣдній подобенъ себѣ и въ маломъ, и въ великомъ. Разуму должна принадлежать абсолютная власть надъ веществомъ, движеніе котораго можетъ порождаться только имъ. Ему же присуще неограниченное знаніе, ибо лишь при помощи такого знанія онъ можетъ внести въ міръ гармонию и быть *νοῦς διακροῖν τὰ πάντα*—«умомъ, все приводящимъ въ порядокъ». Дѣятельность *νοῦς*, какъ мироустроительнаго принципа, особенно важна А. для объясненія механизма мірозданія. Міръ, по признанію А., имѣлъ начало во времени. Для возникновенія его изъ первоначальнаго хаоса разумъ (*νοῦς*) возбудилъ въ опредѣленномъ пунктѣ круговое вращательное движеніе, которое, расширяясь, захватывало все болѣе болѣе круги. Благодаря своей необычайной быстротѣ, это вихревое движеніе вызвало раздѣленіе вещества. Сперва отдѣлились двѣ большія противоположныя массы: свѣтлое, теплое, легкое, сухое, съ одной стороны, и темное, холодное, тяжелое, сырое—съ другой. Первую изъ этихъ массъ А. называетъ *эопронъ* (*αἰθήρ*), вторую—воздухъ (*ἀήρ*). Воздухъ, какъ болѣе тяжелый, былъ оттѣсненъ въ середину и стегнулся въ воду, землю и камни. Оторванные силой круговаго движенія камни, раскалившись въ *эопрѣ*, образовали солнце и другія небесныя свѣтила и носятся вокругъ земли; сначала они двигались въ горизонтальномъ направленіи, но теперь, вслѣдствіе наклоненія земной оси, движутся подъ угломъ къ ней. Солнце высушило землю, которая первоначально находилась въ иллюзорномъ состояніи, и изъ сѣмянъ (*σπερματα*), наполняющихъ воздухъ и *эопръ*, на ней развились живыя существа, одушевляющій принципъ которыхъ—разумъ (*νοῦς*). Земля—плоскій цилиндръ, окружающійся въ центрѣ міровой системы; солнце и луна всего ближе отстоятъ отъ нея. Интересованный, какъ и большинство ученыхъ древняго міра, вопросомъ о затмѣніяхъ, А. уже объясняетъ затмѣніе солнца временнымъ нахожденіемъ луны между землей и солнцемъ, затмѣніе луны—тѣнью, бросаемою землею, а также прохожденіемъ посто-

ронныхъ, невидимыхъ намъ тѣлъ между землей и луной. Луну А. считаетъ обитаемой, свѣтъ же ея объясняетъ отраженіемъ солнца. Существуетъ только одна міровая система; за предѣлами ея простирается безконечное вещество, отдѣльныя части котораго постоянно все снова и снова вовлекаются въ непрерывно расширяющееся круговое движеніе. Такимъ образомъ, при построении своей системы А. предпочитаетъ пользоваться механическими законами и прибѣгаетъ къ разуму лишь тамъ, гдѣ эти законы оказываются безсильными. Разуму приписывается возбужденіе перваго толчка; дальнѣйшее движеніе развивается затѣмъ механически, въ направленіи, желательномъ для разума, причемъ о болѣе активномъ вмѣшательствѣ послѣдняго, о его цѣлесообразной дѣятельности А. не упоминаетъ. Занятый, главнымъ образомъ, вопросами физики, А. не выводитъ всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ понятія всеобщаго зодчаго міра, и слѣшнѣ покинута телеологическій путь, на который его наталкиваетъ «созерцаніе звѣздъ», чтобы перейти къ механическимъ объясненіямъ. Въ ученіи о чувственномъ воспріятіи А., вопреки мнѣнію, распространяемому въ его время, утверждаетъ, что подобное не можетъ быть воспринято подобнымъ, такъ какъ при этомъ не происходитъ никакой перемѣны. Чтобы быть воспринятымъ, воспринимаемое должно отличаться отъ воспринимающаго; слѣдовательно, мы воспринимаемъ только противоположное. Но въ такомъ случаѣ познаніе, приобретаемое нами этимъ путемъ, не точно и имѣть лишь относительное значеніе; чувства не въ силахъ познать истину, которая доступна только разуму, свободному отъ всего чувственнаго. Ученикъ А., Архелай, оставался вѣренъ, главнымъ образомъ, физическимъ теоріямъ учителя, въ остальныхъ же пунктахъ, движимый желаніемъ смягчить его дуализмъ, снова сильно приблизился къ іонійскому гилозизму. — Орывки, повидимому, единственнаго оставленнаго А. сочиненія, озаглавленнаго «Περὶ φύσεως» (о природѣ), собраны у Schaubach'a (Лпц., 1827) и Schorn'a, (Боннъ, 1829). — Ср. F. W. A. Mullach, «Frag. philos. graec.» (П., 1861—81); Panzerbieter, «De fragmentorum A. ordine» (Мейнингенъ, 1836); Breier, «Die Philosophie des A. nach Aristoteles» (Берлинъ, 1840); Zévyort, «Dissertation sur la vie et la doctrine d'A.» (П., 1843); Alexi, «A. und seine Philosophie» (Ней-Руппинъ, 1867); M. Heinze, «Ueber den σοφ. des A.» («Ber. d. Sachs. Ges. d. W.», 1890); С. Н. Трубецкой, «Метафизика въ древней Греціи» (М., 1910, стр. 343 и сл.); П. Г. Рѣдкинъ, «Изъ лекцій по исторіи философіи права» (т. II, СПб., 1889, стр. 251 и сл.).

Анаксимандръ (Ἀναξίμανδρος), греческій натуръ-философъ изъ Милета, жившій между 610 и 547 гг. до Р. Хр., былъ вторымъ изъ представителей іонійской гилозистической школы, учившей о единствѣ живой первоматеріи, образовавшей міръ. Его сочиненіе, написанное прозой и озаглавленное «Περὶ φύσεως» (о природѣ), было извѣстно позднѣйшимъ вѣкамъ античнаго міра, но пропало очень рано. Занятый, какъ и всѣ остальные милетскіе натуръ-философы, вопросомъ о первоосновѣ всѣхъ вещей, А. можетъ быть названъ первымъ метафизикомъ, такъ какъ въ поискахъ первоосновы онъ переходитъ отъ конкретного къ абстрактному и, по сравненію съ Фалесомъ, дѣлаетъ шагъ впередъ, ибо не ищетъ этой первопрічины въ одномъ изъ данныхъ въ опытѣ веществъ, а мыслитъ ее какъ вещество вообще. По его мнѣнію, первоматерія должна быть безконечной, чтобы не исчерпаться при порожденіи всѣхъ существующихъ вещей. Поэтому А. говоритъ: перво-

начало (ἀρχή) есть Безпредѣльное (τὸ ἄπειρον). Безпредѣльное безконечно во времени и пространствѣ и неопредѣлимо качественно; оно все объемлетъ и всѣмъ управляетъ. Несмотря на неопредѣлимость Безпредѣльнаго, А. все же понимаетъ его какъ вещественную субстанцію, качества и потенціи которой, однако, остаются нематериальными какъ имъ, такъ и позднѣйшими его истолкователями. Отдѣльныя вещи выдѣлились изъ Безпредѣльнаго путемъ обособленія противоположностей. Прежде всего выдѣлилась противоположность тепла и холода; изъ смѣшенія ихъ получилась влага, которая является смѣсью міра, его основной стихіей. Изъ влаги осаживается земля, затѣмъ, воздухъ и всеохватывающая раскаленная огненная сфера. Эта огненная сфера, разорвавшись, образовала кольцообразныя, наполненныя огнемъ трубки, которыя приводятъ къ движенію теченіемъ воздуха и вращаются вокругъ земли въ наклонномъ горизонтальномъ направленіи. Изъ отверстій этихъ трубокъ виденъ, находящійся въ нихъ, огонь, являющійся намъ, такимъ образомъ, солнцемъ, луной и звѣздами. Такова была первичная форма теоріи сферъ, возникшая въ космологіи древняго міра. А. древніе приписываютъ и составленіе первой географической карты. Земля, по его мнѣнію, имѣетъ форму цилиндра. Благодаря ея одинаковому разстоянію отъ границъ міра, она остается въ состояніи равновѣсія. Первоначально земля была покрыта водой и лишь постепенно высохла; люди и всѣ животныя были сначала рыбообразными и жили въ водѣ, и только постепенно приспособились къ жизни на сушѣ. Безпредѣльной матеріи присуще вѣчное движеніе; она движется, порождая безконечный рядъ міровъ, каждый изъ которыхъ, разрушаясь, снова возвращается въ первоначальный хаосъ. И всѣ отдѣльныя, качественно опредѣленные вещи, которыя возникли изъ Безпредѣльнаго, въ него же и возвращаются, осуществляя вѣчный кругообразный жизненный процессъ. Понимая этотъ обратный переходъ какъ актъ искупленія и возмездія за сдѣланную несправедливость, А., въ единственномъ, дословно дошедшемъ до насъ отрывкѣ (Simpl. Phys., 6 ч. 24, 13), поэтично говоритъ: «изъ чего произошли всѣ вещи, въ это онѣ, погибая, и обращаются, по требованію правды, ибо имъ приходится въ опредѣленномъ порядкѣ времени претерпѣвать за неправду кару и возмездіе». — Ср. Aristote, «Physique» (пер. Barthélemy Saint-Hilaire, II, 1802, 2 т., I, 1, с. IV; I, III, IV и VII); Simplicius, «Commentarii in octo Aristotelis physicae auscultationis libros» (Венеція, 1526); Themistius, «Paraphrasis in Aristotelis physicam» (Венеція, 1670); Ritter, «Geschichte der ionischen Philosophie» (Берлинъ, 1821); Seydel, «Der Fortschritt der Metaphysik unter den ältesten ionischen Philosophen» (Лпц., 1861); P. Tannery, «Pour l'histoire de la science hellène», I (П., 1887); Schleiermacher, «Über die Lehre des Anaximandros» (Б., 1815); Büsgen, «Ueber das ἀπειρον des A.» (Висбаденъ, 1867); Neuhäuser, «A. Milesius» (Боннъ, 1883); М. Каринскій, «Безконечное А.» («Журн. М. Н. Пр.», 1890, №4 и 5); С. Н. Трубецкой, «Метафизика древней Греціи» («Собр. соч.», т. III, стр. 142 сл. М., 1910); П. Г. Рѣдкинъ, «Лекціи по исторіи философіи права» (т. III, стр. 29—42).

Анаксименъ (Ἀναξίμενης), изъ Милета, ученикъ Анаксимандра, жившій приблизительно между 588—524 гг. до Р. Хр., третій натуръ-философъ іонійской школы гилозистовъ, которая хотѣла вывести все многообразіе міра изъ единого начала, — изъ

первоматеріи, причемъ понимала эту первоматерію какъ истинное бытіе и живой, одушевленный принципъ всякаго движенія и измѣненія. Система А. является попыткой объединенія метафизическаго представленія о первоначалѣ Анаксимандра съ конкретнымъ, чувственнымъ пониманіемъ Фалеса. Подобно Фалесу, А. снова ищетъ первоначало между качественно опредѣленными вещами, но въ то же время считаетъ обязательнымъ требовать, вслѣдъ за Анаксимандромъ, чтобы это мировое вещество было безпредѣльно. Такимъ требованіемъ, по его мнѣнію, удовлетворяетъ воздухъ, и А. объявляетъ его безпредѣльнымъ первоначаломъ. Воздухъ кажется ему самымъ живымъ и вѣчно-подвижнымъ элементомъ, способнымъ лучше всего объяснить основы жизни и движенія; кромѣ того, онъ полагаетъ, что и человѣческая душа состоитъ изъ воздуха, о чемъ свидѣлствуетъ дошедшее до насъ положеніе его философіи, гласящее: «Какъ душа наша, будучи воздухомъ, содержитъ насъ во-едино, такъ дыханіе и воздухъ охватываетъ всю вселенную» (Plut. plac. I, 3. Dox. 278). Все существующее произошло изъ воздуха, благодаря присутствію ему вѣчному движенію, путемъ сгущенія и разрѣженія. Разрѣженіе тождественно съ нагрѣваніемъ, сгущеніе—съ охлажденіемъ. Путемъ разрѣженія изъ воздуха образовался огонь, путемъ сгущенія сначала вѣтеръ, потомъ облака, вода, земля и камни. Воды земли, испаряясь, обратились въ огонь, который зажегъ солнце, луну и всѣ небесныя свѣтила. Небо представлялось А. неподвижнымъ куполомъ съ прикрѣпленными къ нему звѣздами, вращающимся вокругъ земли «какъ шапка вокругъ головы»; внутри купола, охваченные воздушнымъ теченіемъ, движутся солнца, луна и другія небесныя тѣла, а въ центрѣ находится земля, имѣющая форму плоскаго диска. — См. лит. объ Анаксимандрѣ.—Ср. Schmidt, «De Anaximenes philos.» (Лена, 1869).

Аналавъ, см. Парамандъ.

Анагезія или анагія, безчувственность, отсутствіе болевого ощущенія; бываетъ или частичнымъ явленіемъ полной анестезіи, при которой, кромѣ способности болевого ощущенія, утрачивается также осязаніе и вообще способность къ воспринятію какихъ бы то ни было ощущеній, или же является въ формѣ частичной анестезіи, причемъ чувство осязанія остается вполне или лишь частью. Последнее наблюдается временно при хлороформированіи, а также постоянно при извѣстныхъ болѣзняхъ спинного мозга, при тяжелой истеріи и иныхъ нервныхъ болѣзняхъ.

Аналекты (греч. *ἀνάλεκτα*), сборники мелкихъ стихотвореній или стаетекъ, или избранныхъ мѣстъ и изреченій, преимущественно изъ сочиненій поэтовъ.

Аналема, особый видъ астролябіи (см.).—Этимъ именемъ называли также солнечныя часы, на которыхъ означались зодіакъ и продолжительность дня для разныхъ параллелей.

Аналептика, греч., такъ называются въ медицинѣ тѣ возбуждающія и укрѣпляющія средства, которыя въ небольшихъ количествахъ въ состояніи быстро поднять и поддержать угасающую жизнедѣятельность организма. Онѣ очень быстро всасываются въ кровь и дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на нервные центры. Къ этимъ средствамъ принадлежатъ эфиръ, мускусъ, амміакъ, камфора, эфирныя масла, вино и алкоголь, разведенный настоемъ ароматическихъ, бальзамическихъ и горькихъ травъ. Последнія называются также средствами, возбуждающими дѣятельность

сердца (Cardiaca). А. употребляются преимущественно при различныхъ нервныхъ страданіяхъ, при общемъ ослабленіи организма и въ особенности при такъ называемомъ коллапсѣ.

Анализаторъ, та часть поляризаціоннаго прибора, при помощи которой изслѣдуется, анализируется поляризованный свѣтъ, полученный другою частью прибора—поляризаторомъ. Въ «поляризаціонныхъ микроскопахъ», употребляемыхъ при минералогическихъ изслѣдованіяхъ, въ качествѣ А. и поляризатора служатъ такъ называемыя Николевы призмы (см.).

Анализъ (философ.), въ самомъ общемъ значеніи этого слова есть душевная дѣятельность, разлагающая цѣлую мысль на ея составныя части, въ противоположность синтезу—дѣятельности, создающей цѣлое изъ частей. Такъ какъ всякая дѣятельность мышленія состоитъ изъ такого разлаганія (*ἀναλυσιν*) и слаганія (*συντίθημι*), то А., какъ и противоположный ему синтезъ—не научный методъ, а одно изъ двухъ необходимыхъ направлений мышленія, такъ тѣсно связанныхъ между собою, что раздѣлить ихъ можно только въ отвлеченіи. Однако, какъ научный терминъ, слово А. и происходящее отъ него—аналитика употребляются не всегда въ этомъ самомъ общемъ своемъ значеніи; ими обозначаютъ иногда извѣстные методы изслѣдованія и противопоставляютъ ихъ не только синтезу, но также демонстраціи и діалектикѣ. А., какъ противоположность демонстраціи, есть самое древнее употребленіе этого термина, встречающееся въ Греціи задолго до Аристотеля. Въ математикѣ оно сохранилось и до сихъ поръ въ томъ же значеніи. Въ этомъ смыслѣ А. есть методъ изслѣдованія, восходящій отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, тогда какъ демонстрація (называемая, впрочемъ, также синтетическимъ методомъ), дѣйствуетъ обратнымъ путемъ, нисходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Аналитическій методъ употребляется, главнымъ образомъ, для рѣшенія задачъ и геометрическихъ теоремъ и состоитъ въ томъ, что неизвѣстное предполагается найденнымъ, и выводятся всѣ слѣдствія, вытекающія изъ этого предположенія. Изслѣдованіе ведется до тѣхъ поръ, пока оно не натолкнется на положеніе уже доказанное, которое и подтверждаетъ или опровергаетъ принятое предположеніе. Такимъ образомъ, А. въ данномъ случаѣ является синонимомъ изслѣдованія, исканія по частямъ неизвѣстной истины, въ противоположность демонстрированію или доказательству, которое есть выведеніе слѣдствій изъ истины, достоверно извѣстной. Въ философію этотъ терминъ проникъ благодаря Аристотелю. Последній называлъ аналитикою ту часть своей логики, которая занимается изслѣдованіемъ силлогизма. Аналитика Аристотеля изслѣдуетъ тѣ условія, которымъ должно подчиняться разсужденіе, чтобы выводъ явился обязательнымъ и необходимымъ. Тутъ замѣтна аналогія съ приемами математическаго А., откуда Аристотель заимствовалъ этотъ терминъ. Однако, Аристотель противопоставляетъ аналитикѣ не демонстрацію, которая, напротивъ, входитъ въ ея составъ, а діалектику; послѣдняя не занимается изслѣдованіемъ достоверности условій, которымъ должно подчиняться доказательство, а исходитъ изъ положеній не достоверныхъ, но вѣроятныхъ, и развиваетъ ихъ, выводя изъ нихъ слѣдствія логическимъ путемъ. Такимъ образомъ, Аристотель понимаетъ діалектику въ обычномъ тогдашнемъ смыслѣ этого термина, т.-е. какъ искусство вести разговоръ и подбирать доказательства, аналитику же—какъ критику условій достоверности. Въ позднѣйшей философіи до Канта терминъ А. и синтезъ употребляются въ двухъ